

НИКОЛАС ДЕ ГРАНДМЕЗОН: «Я буду рисовать их, пока не умру...»

В 1978 году в одном из музеев Банфа, маленького канадского городка у подножия Скалистых гор, торжественно открылась художественная выставка семьи Грандмезон. Во главе династии – Николас де Грандмезон, известный, особенно в Альберте, канадский художник, его жена София – самобытный скульптор, сын Рик – художник, дочь Тамара – художник, дочь Соня – искусствовед, дочь Лу Сандра – закончила художественный курс по работе со стеклом, сын Николас – рисовал, тянуло к архитектуре... Местная газета с гордостью сообщала об этом на своих страницах. Цветущее сильное дерево с глубокими ветвистыми корнями. Действительно, красивый итог, гордо подвѣденная черта с завидным продолжением рода.

Рассказ о художнике Николасе де Грандмезоне был бы неполным вне его семейной истории, его корней и трагической истории его страны. Он был потомком французского маркиза, сыном русского офицера, пленником немецкого лагеря в годы Первой мировой войны, почётным вождём индейского племени...

Семейная легенда гласит, что в далёкие времена, а именно в период Французской революции, некий маркиз Жан де Грандмезон, почувствовав смертельную опасность, решил спасти своих детей – Жана и Франсуа – от расправы. Кто-то утверждает, что слуги вывели их из города под покровом ночи. А кто-то рассказывает и совсем невероятную историю – как мальчиков посадили в бочки и бросили в воду... Так или иначе, Жана-сына или, как его называли в России, Ивана Ивановича де Грандмезона, 1777 года рождения, считают в семье родоначальником русской ветви Грандмезонов.

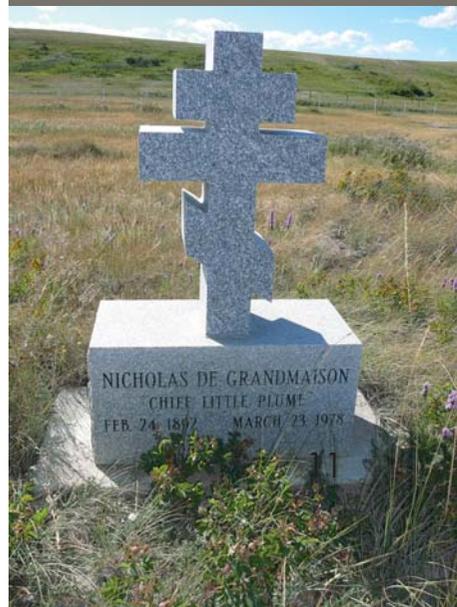
В России прошли детские и юношеские годы Жана (Ивана) Грандмезона (в разное время Николаем и членами его семьи фамилия писалась по-разному: появлялся и исчезал дефис, знатное «де»), здесь он получил как сын аристократа военное образование, принимал участие в кампании против шведов в 1795 году, женился на русской, словом, безвозвратно обрусел. Один из источников утверждает, что к началу Отечественной войны 1812 года подполковник Иван Иванович Грандмезон находился в отставке по состоянию здоровья, однако сам добровольно вызвался принять участие в Бородинском сражении...

Правнук Ивана Ивановича Николай Грандмезон родился 24 февраля 1892 года в Полтаве, куда военная карьера занесла его отца Рафаила – штабс-капитана 34-го Севского полка. Начиналось всё обыкновенно. Раннее детство Коли прошло там же, в Полтаве, и, скорее всего, оно было наполнено детскими радостными мгновениями. Ему была уготована понятная и привычная военная карьера, которую, начиная с француза Жана, продолжали в поколениях все мужчины этого рода. Отец без сомнения отдал бы его в Полтавский кадетский корпус, но в 1900 году случилось первое большое горе в жизни мальчика. Рафаил Петрович умер в возрасте 48-ми лет, и Люба, его жена, осталась одна с тремя детьми в Полтаве. Кроме Николая у неё были сын Михаил и дочь Мария. В том же году она приняла решение уехать к своим родителям Ивану и Полине Варваровым, которые жили в имении в г. Обояни Курской губернии, что на высоком берегу реки Псёл. Николаю было непросто и невесело: слишком рано ушёл из жизни отец. Но детство брало своё: бегали в лес, собирали ягоды и грибы, купались, играли – раздолье... Мальчик очень любил рисовать, когда был поменьше – изрисовывал все стены в доме, но никто не обращал особого внимания на его способности... Вскоре на помощь пришёл дядя Леонид из Москвы – родной брат Рафаила. Он предложил забрать Колю в свою семью и определить в кадетский корпус.

Начало XX столетия – доброе и хорошее время для семьи Леонида Петровича. Работа. Положение. Дом. Прекрасные дети. Родные сёстры Леонида, Валентина и Юлия, вышли замуж за братьев Евреиновых (Николай Николаевич Евреинов – сын тёти Вали и двоюродный брат нашего героя – станет известным драматургом, режиссёром, теоретиком и историком театра, он старше кузена Николая де Грандмезона на 14 лет). Иногда большая родня собиралась на даче Евреиновых в Пушкино – тёти, дяди, кузены... Высокая беседка прямо в лесу, в которую поднимаешься по лесенке; круглый стол с самоваром. Тетя Валя разливает чай в тонкие фарфоровые чашки. Её волосы уложены сложно и украшены цветами, что подчёркивает округлость её лица. Тонкая талия затянута поясом. Запах скошенной травы и благополучия...

В 19 лет после окончания кадетского корпуса Николая перевели в военную школу, как он сам написал в своей краткой биографии по-английски – «Military School» (в какую именно, установить не удалось), где проучился два года. На протяжении всех школьных лет он изучал, как и все будущие русские офицеры, не только военные дисциплины, но и литературу, иностранные языки, музыку, любимое для него рисование, поскольку интерес к этому занятию с годами не исчезал... Однако его ждёт Невский 1-й пехотный генерал-фельдмаршала графа Ласси, позднее, Его Величества Короля

Памятник Николасу де Грандмезону на индейском кладбище. Брокет, Канада. 2011. Фото С.Плотникова

Николай Грандмезон (справа). Лагерь для военнопленных. Фридберг, Германия. Март, 1918
© Архив Летбриджского университета. Канада

Эллинов полк. В начале Первой мировой войны Николай де Грандмезон был переведён в другой полк в составе 2-й Армии, которой командовал генерал А.В.Самсонов. Армия двигалась в Восточную Пруссию. Противнику приказано было окружить её и уничтожить. В эту самую мясорубку возле города Алленштейна попал наш 22-летний воин. Он никогда не расскажет своим родным о том, что пережил тогда, возможно, это было одним из самых страшных испытаний в его жизни. В августе 1914 года в битве при Танненберге потери русской армии составили десятки тысяч человек. До родных доходили слухи, что Николай ранен... Любовь де Грандмезон не знала, что с её сыном Колей. Она только молилась о том, чтобы он остался в живых.

Николай оказался в лагере для военнопленных в Германии, где провёл четыре года. Изоляция сама по себе – большое наказание: вдали от дома, на территории врага... Офицеры писали, что испытывают большое унижение от того, что у них отобрали оружие. Однако условия для пленных в начале прошлого столетия, при том, что далеко не курортны, барачны и скудны, – вполне сносны: пленным разрешали переписываться с родными, получать посылки, читать, фотографировать, играть на музыкальных инструментах и даже ставить спектакли... В лагере Николай познакомился с офицерами из Франции, Англии, России. Изучал английский, немецкий. И главное – хотя он ещё вряд ли осознавал, что это так важно для него, – ему разрешили рисовать. Можно было не торопиться: ведь «натуры» тоже никуда не торопятся... Его способности были замечены и оценены. Вот уже куплены бумага, карандаши, масляные краски. Не только «друзья по несчастью» стояли в очереди к Грандмезону, но и лагерные чины мечтали быть запечатлёнными. Чаше он писал маслом, но впервые в лагере прикоснулся к пастели, и она его очаровала...

Николай Грандмезон (слева). Первые художественные работы в лагере для военнопленных. Германия. Около 1916. © Архив Летбриджского университета. Канада

Никола де Грандмезон работает над портретом судьи Масдоналда. Канада. 1927. © Архив Летбриджского университета. Канада

В архиве Летбриджского университета провинции Альберта в Канаде хранятся открытки, письма Николаю из России той поры – ниточка, которая связывала его с друзьями и близкими. Ничего иногда толком не сообщающие, иногда печальные, иногда подбадривающие, короткие, длинные – они так много значили для него тогда... Теперь некоторым из них почти век, к ним никто не прикасался десятки лет. И от этого приходишь в волнение, понятное любому исследователю... Личные письма со временем становятся достоянием других людей, теряют интимность, но всё равно не покидает ощущение, будто подглядываешь в замочную скважину... А между строчек можно уловить ещё больше – обстановку, настроение. Мужское горе от потери статуса, прозрачные женские намёки и признания, обиды, претензии... Крепкую дружбу, протянутую руку... И можно легко представить, о чём был ответ Николая в ту, другую сторону... Он будет переписываться с ними ещё несколько лет, пока существует этот шаткий почтовый мостик, связывающий его с родиной. Выйдя из лагеря, Николай будет помогать своим друзьям и близким – высылать продовольственные посылки, книги, поддерживать вдову его родного брата Миши Фаню и её **маленького сына (брат и мама Николая умерли примерно в одно время от тифа)**. Он выполнит просьбы своего кузена, режиссёра Евреинова, связанные с публикацией его пьес в Англии. Пошлёт табачную трубку другу...

Трудно точно восстановить передвижения нашего героя после того, как его выпустили в 1918 году из лагеря. Известно, что в 1919 г. он присоединился к Русской военной миссии в Берлине. Затем, согласно документам, оказался в Англии, в Ньюмаркете, в учебном лагере для русских офицеров. Шло время. Вести с родины – одна печальнее другой: расстрелян дядя Леонид, его сын Пётр – герой Первой мировой войны, Георгиевский кавалер... Когда стало ясно, что Белая Армия терпит поражение, Николаю нужно было принимать решение, как жить дальше. Друзья по лагерю помогли ему обосноваться в Англии. Здесь он познакомился с лордом Джоржем и леди Айви Дандас, встреча с которыми изменила его судьбу. Ники принял в свете, завязываются знакомства, и вот уже кто-то просит написать портрет... И главное – Дандасы помогли ему получить специальное образование в Лондонской школе искусств (St. John's Wood School of Art). Николаю было хорошо с этими людьми. Они добры к нему, внимательны, это его круг, чем-то напоминающий прошлую московскую жизнь...

В 1923 году он решает на новый поступок – ехать в Канаду. Это сейчас Канада – мощная развитая держава, в которую едут эмигранты со всего мира. А тогда это была дальняя сторона, информация о ней скудна и часто противоречива. По пути он знакомится с теми, кто подрядился работать на уборке урожая в Манитобе за четыре доллара в день. На этой работе Николай продержался всего несколько дней, причём расстались с фермером обоюдно радостно: кому нужен работник, совершенно не приспособленный к труду на земле? У Ники были с собой рекомендации от друзей и сто долларов – весь его багаж. Люди, к которым были написаны письма, действительно очень помогли первое время – и советом, и делом, и деньгами. Земля, как известно, в любые времена окутана паутиной добрых дружеских связей. А через год Николай получает работу в крупной компании

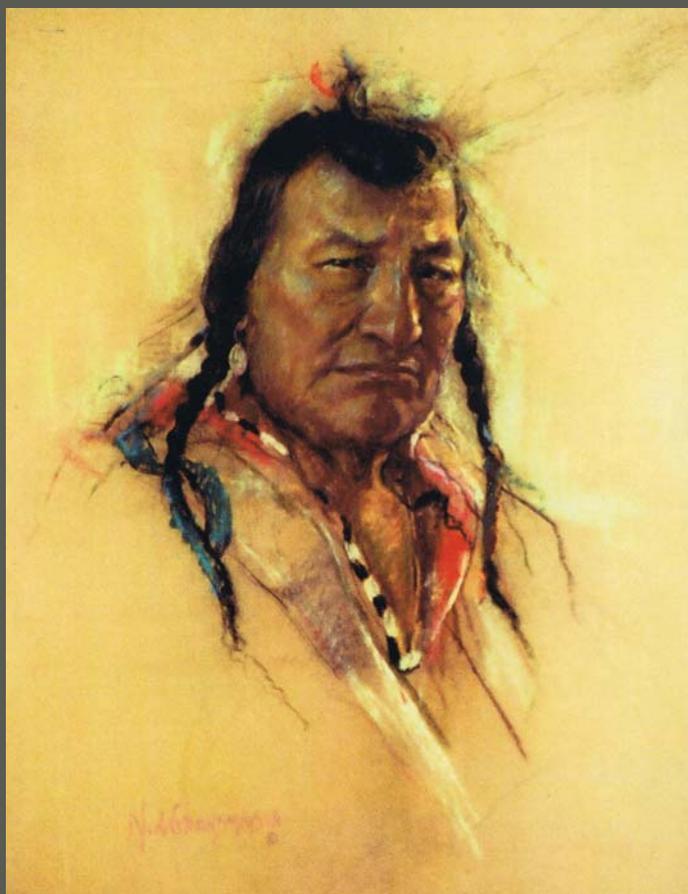
Николас де Грандмезон за работой. Дата и место точно не известны. Одна из индейских резерваций. © Архив Летбриджского университета. Канада

Николас де Грандмезон. Мужчина из племени кри (Man Cree Indian). 1951. Бум., пастель. 56x70. Частная коллекция. Канада

Николас де Грандмезон. Голодный Ворон (Hungry Crow). 1934. Бум., пастель. 33x42. © Художественная галерея Летбриджского университета. Канада

Николас де Грандмезон. Чёрный Белый Человек (Black White Man). 1957. Бум., пастель. 64x84. Частная коллекция. Канада

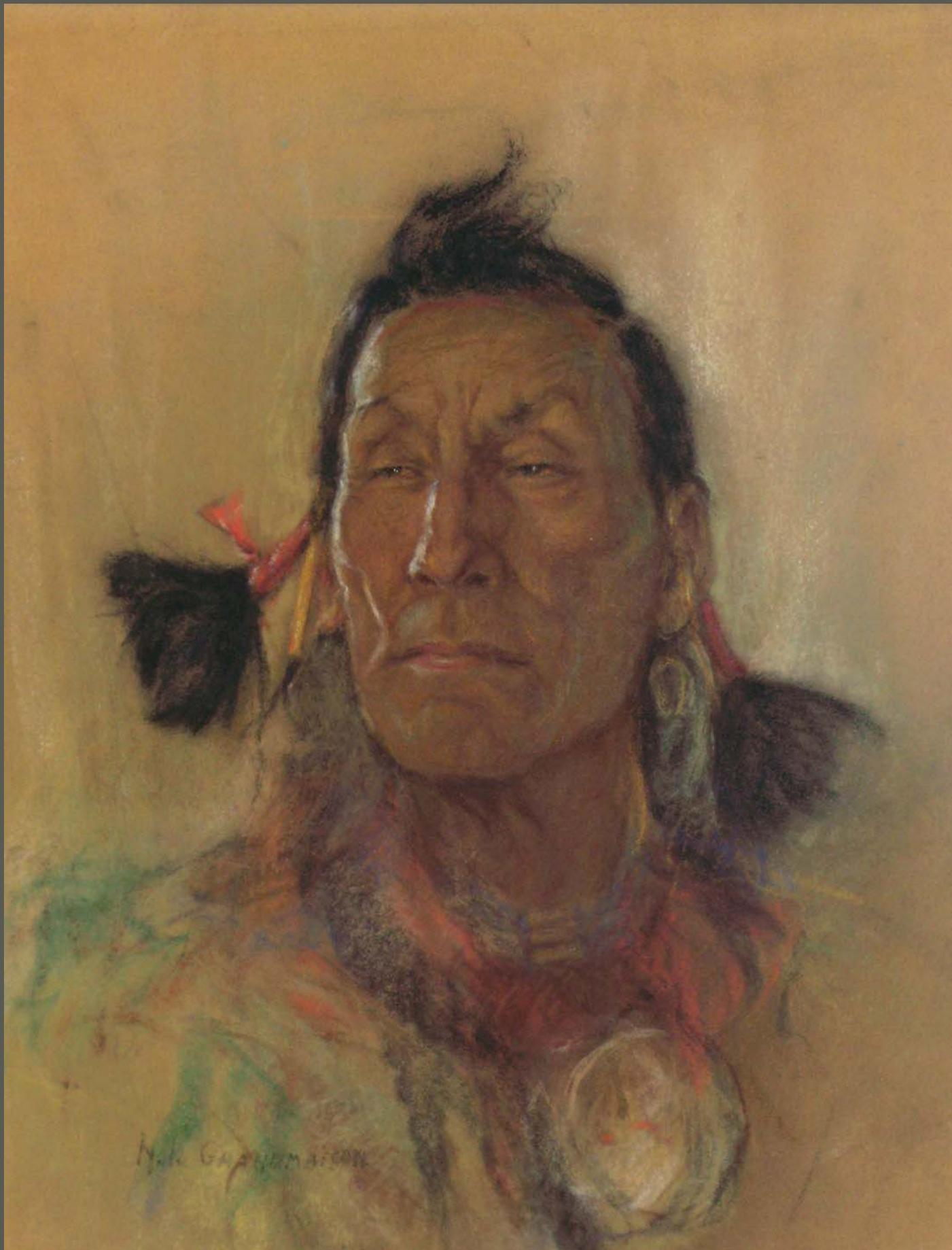
«Brigden's LTD», существующей в Виннипеге с 1913 года. Она выпускала каталоги, календари, оформляла журналы. В «Brigden's» трудились по-настоящему творческие люди, известные художники. Такие, как Геральд Фостер, создавший иллюстрации к книге «Тарзан», и Чарльз Торсон, как будто имеющий отношение к диснеевскому Кролику Багзу. И это стало прекрасной школой для художника.

Николас де Грандмезон – так теперь его называют – становится членом виннипегского арт-клуба, где собирается творческая элита, и постепенно приобретает новые знакомства. Вскоре его в качестве художника нанимает адвокатская гильдия. Николас пишет портреты главных судей, шерифа... Картины нравятся заказчикам и публике. Они приносят доход: портреты пока в моде и заказывают их, как правило, люди состоятельные. Со временем круг клиентов неизбежно расширился бы. Чем не карьера для художника в новой стране? Деньги, известность, престиж... Но что-то в этом не то, возможно, ему просто скучно и неинтересно это делать. Николас будет продолжать писать портреты известных людей, политических деятелей, детские портреты (хотя «ребёнок не жил достаточно и не перенёс достаточно, чтобы его лицо было интересным»); иногда пейзажи – и в 30-х, и в 60-х годах. Некоторые из портретов находятся в Летбридже, в Банфе, в Калгари. Написаны они маслом, профессионально, доброту. Фамилии и статус многих изображённых впечатляют. Художник никогда не отказывался от таких заказов, потому что они давали приличный заработок. Как сказал его сын Рик в одном из газетных интервью, он писал их для «хлеба с маслом». Сердце же всецело принадлежало другой теме, точнее, – другим «объектам».

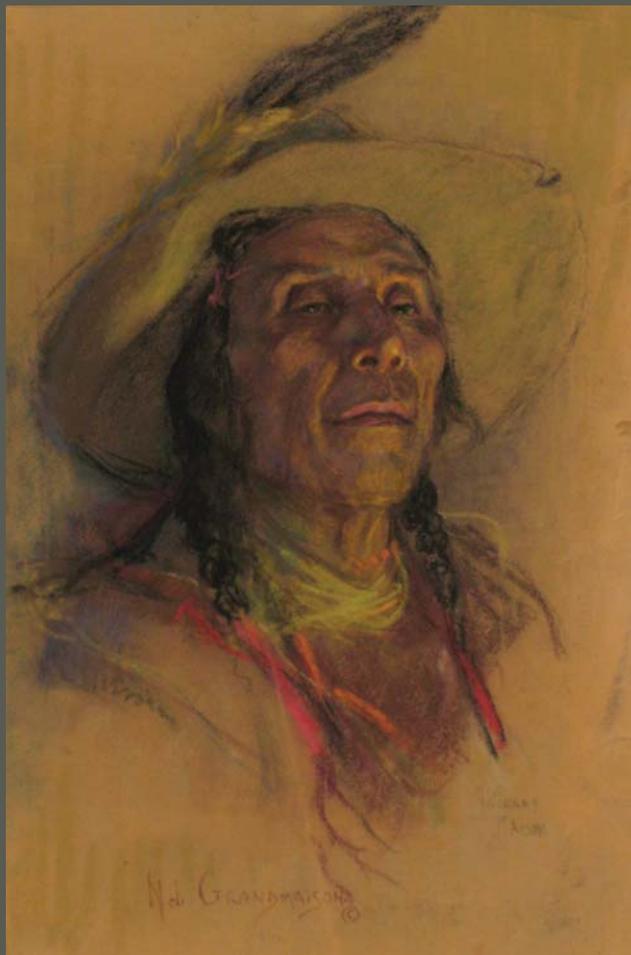
В конце 20-х годов он впервые побывал в индейской резервации, откуда привёз портреты индейцев племени Кри и впервые выставил их в Виннипеге в галерее Ричардсона на Мейн Стрит. Несколько портретов было куплено, несмотря на тяжёлое финансовое положение в стране. В прессе появились хорошие отзывы. Кто мог знать, что эта творческая поездка определит дело всей его жизни, ураганом сметёт сомнения, пронзит, как первая любовь... Позже художник скажет: «Я буду рисовать их, пока не умру...».

Почему Николас поехал в резервацию, каков был его первый импульс, почему он вообще заинтересовался индейцами – не известно. Ни в его письмах, ни в газетах, ни в двух книгах о художнике, вышедших на английском языке (Dempsey H.A. History in their blood. The Indian portraits of Nicolas de Grandmaison. Vancouver BC: Douglas&McIntyre, 1982; Snyder G. Drawn from the past: Nicolas de Grandmaison. Snyder Fine Arts, 2007), не было ответа на этот вопрос. Так или иначе, но очень скоро для него стало вполне определённым не только кого рисовать, но и чем. Пастель!

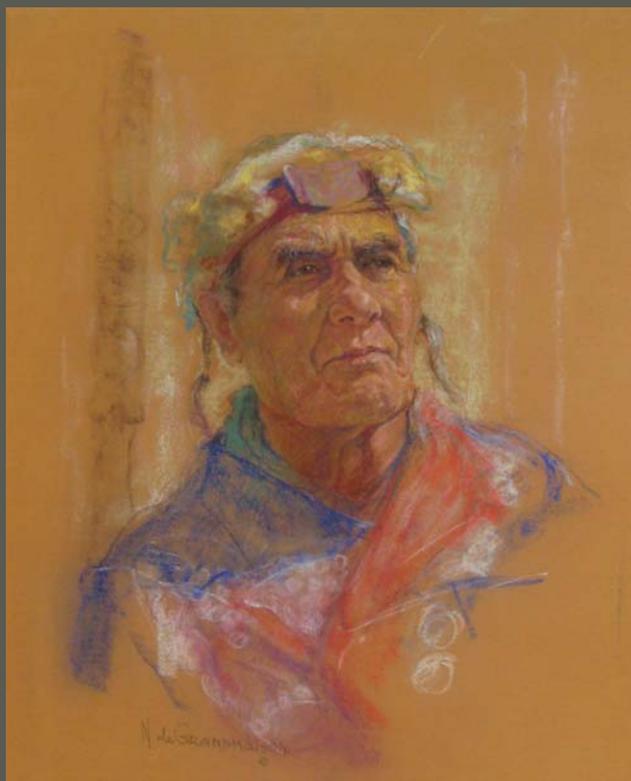
Он находит «агентов» среди аборигенов, через которых можно договориться о своих поездках в резервации, и начинает объезжать посёлки один за другим не только в Канаде, но и в Америке. Постепенно индейцы привыкают к нему: умеющие чутко чувствовать опасность, они точно так же легко распознавали искренность намерений. Большой заслугой Грандмезона считают тот факт, что он уговорил Высокого Орла, последнего участника Custer massacre (название битвы. – М.Л.), позировать ему. Многие пытались с ним договориться, но безуспешно, а Николасу повезло. Высокому Орлу было в ту

Николас де Грандмезон. Большая Почка (Big Kidney). 1935. Бум., пастель. 58x46. © Художественная галерея Летбриджского университета. Канада

Николас де Грандмезон. Через Горы (Accross the Mountain). 1938. Бум., пастель. 38x56. © Художественная галерея Летбриджского университета. Канада

Николас де Грандмезон. Мунго Мартин (Mungo Martin). 1947. Бум., пастель. 58x70. © Художественная галерея Летбриджского университета. Канада

пору 93 года, и совсем скоро его не стало... Осталась фотография, запечатлевшая индейца с Николасом, и картина, находящаяся ныне в частной коллекции.

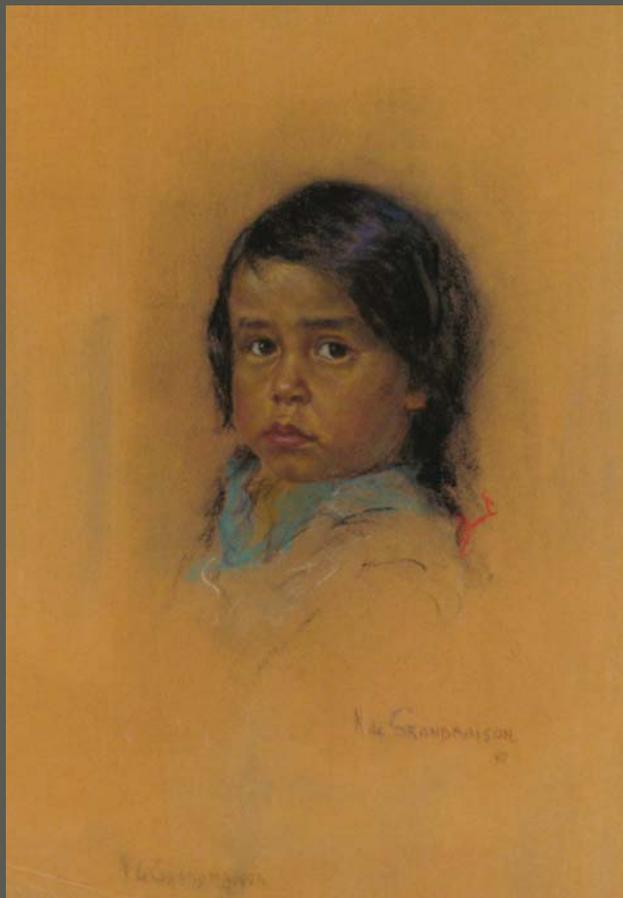
Художник приводил индейцев в свою студию, будь это его дом, номер в гостинице или миниавтобус, усаживал модель как фотограф под свет софитов, причём для каждого находил своё, «правильное» освещение.

Обычно Николас рисовал лицо на начерченной карандашом сетке, которая образовывала квадратики и прямоугольники приблизительно одинаковой величины, затем углём набрасывал детали, анатомические особенности человека, а уже потом брался за пастель. Очень часто он не прорисовывал волосы, одежду, никогда – фон. Ничего, что бы могло отвлечь наше внимание от лица: губ, складочек, мелких черточек и самое важное – глаз (им были посвящены многие часы труда). И если смотреть на незаконченные работы художника, становится ещё более понятным, что меньше всего его волнуют этнологические детали: несколько размытых мазков в импрессионистической манере (не выписанные пёрышки, а размазанный, растушёванный вихрь, рыхлые края одежды, порыв, ветер...) подчёркивают его романтическое видение своих героев – этого вполне достаточно, чтобы не отвлекать от главного. Пастель позволяла передать колорит их лиц, огненные лучики в глазах, бронзовый оттенок кожи... Говорят, пастель находится на грани рисунка и живописи, у Грандмезона это и рисунок и живопись! У него были портреты индейцев, которые выполнены маслом, но их несравненно меньше.

Открываешь коробку с пастельными палочками Николаса, дотрагиваешься до них рукой – они мягкие, хрупкие, проведёшь по бумаге – получишь бархатистый оттенок... Пастель пушистая как свежий снег... И если масляные краски позволяют накладывать несколько слоёв, исправлять, переделывать написанное, то пастель требует от художника точности, чутья, верного первого шага. И тогда возникают свечение, мерцание, люминисцентность, глубина... Само слово «пастельный» ассоциируется с нежностью и мягкостью. А тут портреты индейцев с мужественными лицами, изрезанными глубокими морщинами... Но именно на его портретах они естественны, не маскарадно-карнавалыны.

В 1931 году Николас женился на Софии Дурново, которая приехала в Канаду с родителями ещё в 20-е годы. После свадьбы Грандмезоны отправились в своё первое длительное путешествие в Штаты, сочетая медовый месяц с работой Николаса. В Калгари, где они остановились после поездки, друг Ники попросил его поработать вместо него в институте технологии и искусства. Он занимался со студентами всю зиму, но большого удовольствия от преподавательской деятельности не получил. Жена Соня впоследствии рассказывала, что путешествия и отели стали её судьбой. В 1932 году у Грандмезонов родился первый ребёнок – Орест (имя дали в честь отца Соны, но потом называли его Рик), и уже с трёх месяцев Соня начала брать сына в поездки с мужем, продолжая поддерживать его кочевой образ жизни.

Вскоре в Банфе был построен дом, одновременно мастерская, в котором они проживут тридцать восемь лет. По-видимому, Соне предстояло заниматься только детьми и домом... Но, во-первых, она была натурой тонкой, воспитанной в аристократической семье, где любили стихи, музыку, много читали и поддерживали любой творческий порыв. Во-вторых, её мужем стал человек одержимый, в вечном движении и поиске, а это заразительно. И Соня стала скульптором, а «её» индейцы

Николас де Грандмезон. Ребёнок из племени черноногих (Child Blackfoot Indian). 1936. Бум., пастель. 48x67. © Художественная галерея Летбриджского университета. Канада

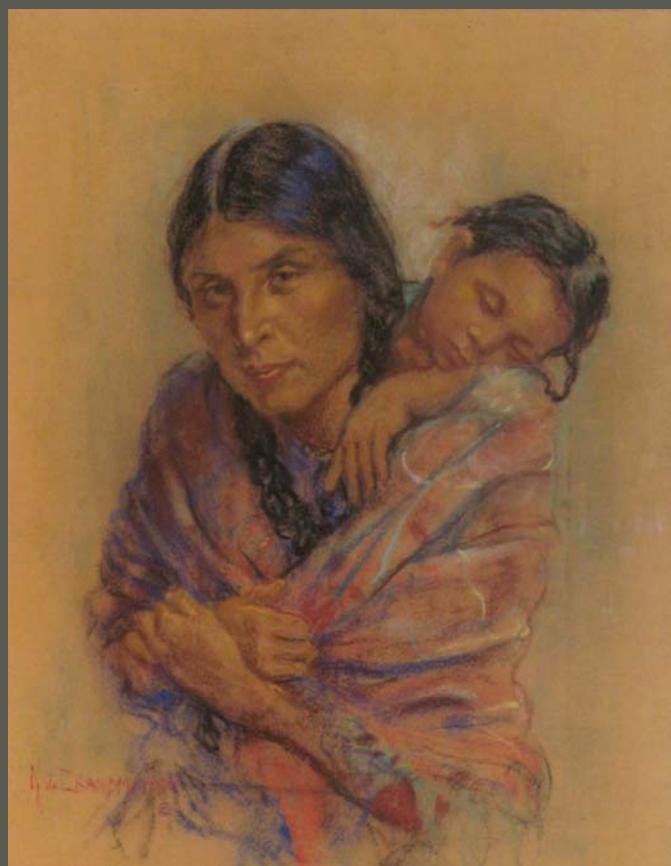
Николас де Грандмезон. Волчья Нога (Wolf Leg). Бум., пастель. 38x50 © Художественная галерея Летбриджского университета. Канада

в скульптурном исполнении дополняли и углубляли сказанное мужем.

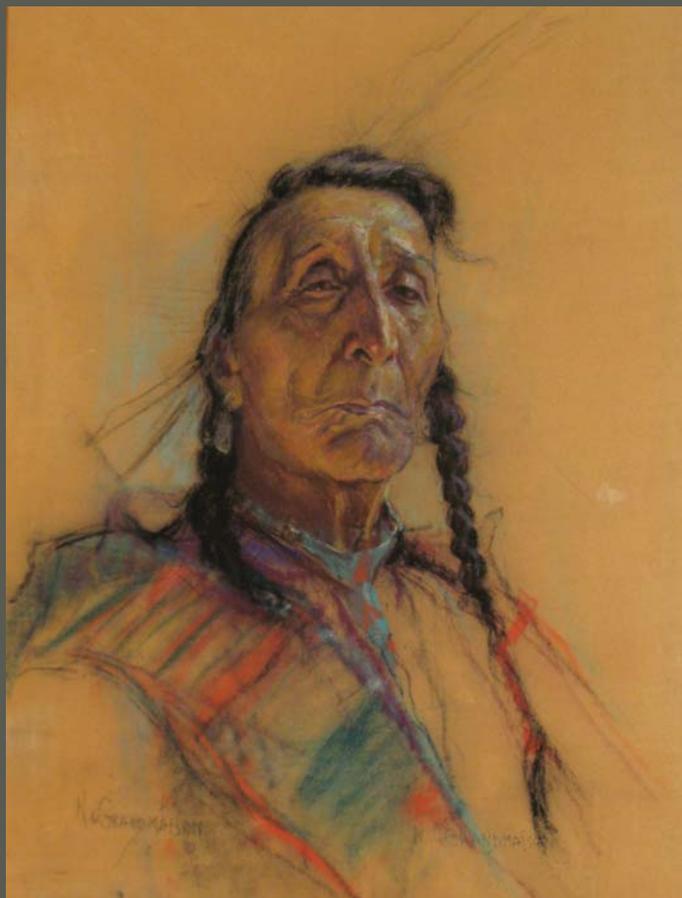
В 1972 году Николас получил высшую награду государства – стал кавалером ордена Канады 3-й степени. К своему 80-летию художник был создателем сотен портретов, его работы выставлялись в Канаде и США, многие из них украшали частные коллекции. Однако он не входил ни в какие творческие союзы, даже избегал общения с художественной средой. Николас следовал выбранному пути: портреты видных людей – чтобы обеспечить достойное существование, портреты индейцев – для души... На каком-то этапе художник вообще перестал продавать «индейские работы», хотя имел очень выгодные предложения, и возил их за собой повсюду.

В 1976 году Вильям Перкс, основатель и декан факультета индустриального дизайна Университета в Калгари, подал заявку на присуждение почётной докторской степени Николасу Грандмезону. Вручение диплома состоялось в торжественной обстановке, о чём свидетельствуют фотографии – портрет художника в академической шапочке и красной, отделанной золотом, мантии. Я не нашла никаких свидетельств того, что сказал Грандмезон в этот день. Но предполагаю, нечто подобное:

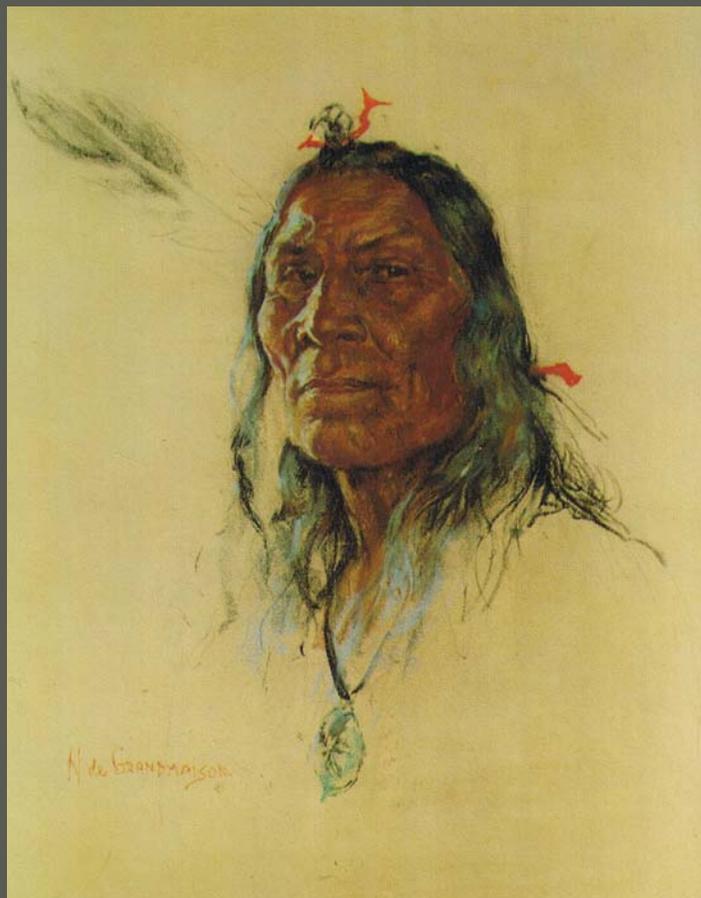
«Неизбалованный индейский характер был одним из самых сильных в истории человечества... этот великий характер, сформированный жизненным опытом, – большая ценность для портретиста. Индейские аборигены были подлинными джентельменами. Они обладают достоинством, которое происходит от близкого

Николас де Грандмезон. Женщина с ребёнком (Woman and Child). 1936. Бум., пастель. 46x58. © Художественная галерея Летбриджского университета. Канада

Николас де Грандмезон. Жилистые Стопы (Sinew Feet). 1955.
Бум., пастель. 62x89 © Художественная галерея Летбриджского университета. Канада

Николас де Грандмезон. Мужчина из племени кри (Man Cree Indian). 1951.
Бум., пастель. 56x70. Частная коллекция. Канада

Николас де Грандмезон с Высоким Орлом. 1951 © Архив Летбриджского университета. Канада

соприкосновения с природой. Только через этот тесный контакт человек начинает чувствовать ответственность за своих собратьев и других живых существ.

В Альберте наши канадские индейцы были практически отрезаны от белых людей, до недавнего времени не существовало даже дороги в резервации... Но они – наше прошлое. И если мы не научимся ценить его, у нас не будет будущего. Я счастлив, что способствовал этому всю свою жизнь...» (Spokane daily chronicle. May 14, 1952. (Пер. авт.)).

Увлёкшись темой индейцев, Николас, без сомнения, их идеализировал, как идеализирует любой человек то, чем «заболевает». Его упрекали в излишнем романтизме и возвеличивании своих героев... Видимо, художник почувствовал в них стержень, некое родство – природное достоинство, свободолюбие, независимость, силу характера. Эти люди заинтересовали его не только и не столько как удачные модели. Ощувив сопричастность, а постепенно и ответственность, художник будет годами, десятками лет рисовать их лица, записывать каждое имя в блокнотике, а потом, вооружившись аудиографом (Gray audograph – записывающее устройство, изобретённое в США в 1945 году), он оставит десятки коротеньких историй, рассказанных краснокожими, их легенды, песни и фотографии.

Жизнь индейцев, или жизнь среди индейцев, была Николасу близка. Возможно, он понимал их лучше других потому, что сам многое перенёс. По себе знал, что значит утратить свои традиции, культуру, язык и как мучительно трудно научиться ощущать себя равным, невторосортным, нужным... Николас считал себя их братом, иногда говорил: «Они мои дети», «Они подлинные джентельмены». Индейцы отвечали ему взаимностью – в 1959 году выбрали его почётным вождём племени и дали ему своё имя – Маленькое Перо.

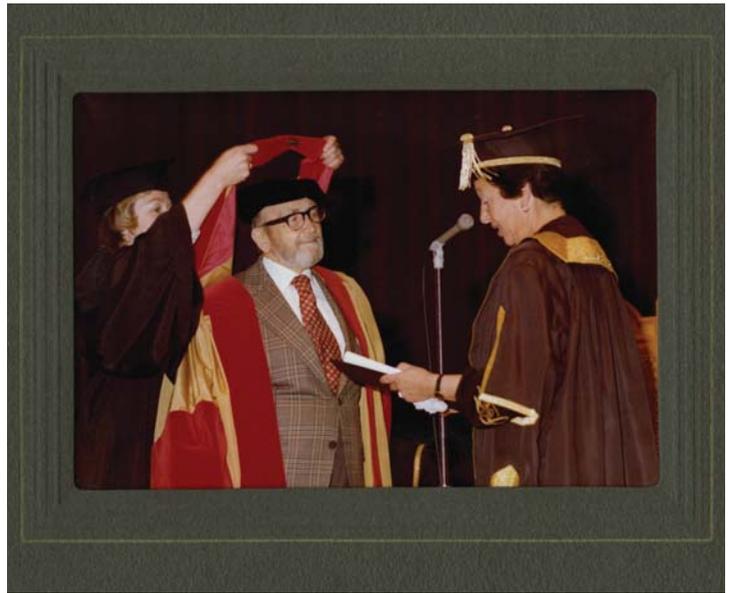
Семейную выставку в Банфе ещё не закрыли, когда художника не стало. Отпевали его в русской православной церкви в Калгари. Согласно завещанию, хоронили потомка французского маркиза, сына русского офицера, канадского художника Николаса де Грандмезона (Николая Рафаиловича Грандмезона) на индейском кладбище с русским священником в резервации Брокет. Краснокожие на это не возражали, канадцы, скорее всего, сочли подобное выражение воли экстравагантностью. Русским он не был известен ни в Канаде, ни в России – так распорядилась судьба, хлестко закручивая коллизии.

Один старик-индеец, заболев вскоре после похорон, сказал вдове Николаса: «Моя мечта, когда я Там окажусь, быть рядом с ним».

Мария Лакман, Канада

Летом 2013 года в издательстве «Stella.ru» (Германия) вышла книга Марии Лакман «Маленькое Перо» о жизни и творчестве художника Николаса де Грандмезона.

АВТОР ВЫРАЖАЕТ БЛАГОДАРНОСТЬ ДОЧЕРИ ХУДОЖНИКА НИКОЛАСА ДЕ ГРАНДМЕЗОНА СОНЕ ЭДВАРДС (ГРАНДМЕЗОН), ЕГО ПЛЕМЯННИЦЕ АЙРИН ЛЭНС, ЕГО ДРУЗЬЯМ ДЖОНУ И ЭСЛИН ГАРО, АРХИВИСТУ ЛЕТБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА МАЙКУ ПЕРРИ, ДИРЕКТОРУ-КУРАТОРУ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЕРЕИ ЭТОГО УНИВЕРСИТЕТА ЖОЗЕФИН МИЛЛЗ, ЕЁ КОЛЛЕГАМ ФРЕДУ ГРИН И ДЖУЛЬЕТ ГРЭХЕМ, КУРАТОРУ ХУДОЖЕСТВЕННЫХ КОЛЛЕКЦИЙ КАНАДСКОГО БАНКА МОНРЕАЛЬ ДОН КЕЙН ЗА ПОМОЩЬ В ПОДГОТОВКЕ ЭТОЙ СТАТЬИ И КНИГИ.

Церемония присвоения почётной докторской степени Николасу де Грандмезону. Калгари, Канада. 1976. © Архив Летбриджского университета. Канада

Николас де Грандмезон. 1970-е. © Архив Летбриджского университета. Канада

ВСЕ РЕПРОДУКЦИИ КАРТИН В СТАТЬЕ ПРЕДОСТАВЛЕНЫ ДЛЯ ПУБЛИКАЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ГАЛЕРЕЕЙ ЛЕТБРИДЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА С РАЗРЕШЕНИЯ ФИНАНСОВОЙ ГРУППЫ БАНКА МОНРЕАЛЬ.

IMAGES OF THE WORKS OF NICHOLAS DE GRANDMAISON FROM THE UNIVERSITY OF LETHBRIDGE

COLLECTION WERE REPRODUCED WITH PERMISSION FROM THE BANK OF MONTREAL, BMO FINANCIAL GROUP.

DOCUMENTS AND PHOTOGRAPHS ARE COURTESY OF THE UNIVERSITY OF LETHBRIDGE ARCHIVES.